

КОДОКОПИРОВАНИЕ И ДРУГИЕ МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

(ПО ФРАГМЕНТАМ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ ЗАКАРПАТСКИХ СТУДЕНТОВ НА
РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

КЛАРА АДЯГАШИ – ЛЕСЯ МУШКЕТИК

Дебреценский университет
klaraagyagasi@yahoo.com

Институт мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім.
М. Рильського НАН України
mushketik@ukr.net

0. Введение

Тема исследования языковой интерференции закарпатских студентов по специальности русский язык и литература впервые была нами поднята в статье, опубликованной в 2007 г. [АДЯГАШИ–ИВАШКЕВИЧ 2007], но в этой публикации были рассмотрены общие вопросы языковой ситуации на Украине, а не конкретные анализы речевых образцов закарпатских студентов.

Как было сказано, в Дебреценском университете после 1990 г. возросло число тех студентов, которые приехали из Закарпатской области Украины. Они при поступлении в университет уже могли употреблять два восточнославянских языка: украинский и русский, но их речевая деятельность отражала явные черты интерференции этих двух языков. Языковая интерференция – это явление, характеризующее речь билингов с координативным билингвизмом. Но вопрос о том, как конкретно осуществляется механизм взаимовлияния двух языков у билингов, зависит от конкретного осуществления их языковой социализации, от общественной среды, определяющей рамки речевого поведения индивидов. С этой точки зрения в Дебрецене имелась возможность систематически выделять две основные группы закарпатских студентов:

а) дети венгерских родителей – члены венгерского нацменьшинства с постоянным местожительством на Украине (в Закарпатской области);

б) дети родителей смешанных (украинско-венгерских) браков, с постоянным местожительством на Украине (в Закарпатской области).

В обеих группах представлены в основном горожане, в нижеследующий анализ будут включены фрагменты их речевой продукции.

Цель настоящей статьи: представить и охарактеризовать разновидности различных механизмов интерференции студентов первой группы на основании их письменных работ по описательной грамматике и разговорной практике по русскому языку. Так как по современному билингвизму закарпатских венгров¹ специальных основательных монографических исследований до сих пор не публиковалось, а также не были обследованы образцы речи этой этнической группы, в пределах поставленной цели нужно дать описание общей характеристики языковой социализации и типа речеупотребления изучаемой группы.

Общая характеристика языковой социализации студентов закарпатских венгерских семей

В изучаемую группу вошло 10 студентов в возрасте 21–24 лет (с 1987 года рождения), получающих пятилетнее университетское образование по русскому языку и литературе. Для их жизненного пути были характерны следующие моменты: до 3-летнего возраста освоение родного венгерского языка происходило у них естественным, спонтанным образом, у всех сложилась артикуляционная база и коды венгерского диалектного языка в семейных условиях. В этот ранний период жизни кроме родного языка на них не влияли другие языки. С трехлетнего возраста до школы они проводили три-четыре года в разных государственных городских детских садах. В детских садах воспитательницы были украинками, и разговаривали с детьми на украинском или русинском языке², а группы

¹ Монографическое и более короткое исследование о билингвизме венгров за пределами Венгрии были опубликованы в 1991 и 2010 гг., см. [KONTRA 1991, ПИЛИПЕНКО Г. П. 2010], но в этих публикациях не были затронуты вопросы билингвизма закарпатских венгров. По типологии билингвизма закарпатских венгров известно всего одна эскизная публикация, см. [ROT 1967]. Эту типологизацию развивает дальше И. Черничко в своей монографии о положении венгерского языка в Закарпатской области, и говорит о наличии специальной разновидности билингвизма, что называется социальным, миноритетным билингвизмом (см. [CSERNICSKÓ 1998: 197–199]. Это означает, что первый язык (венгерский) в юридическом отношении имеет подчиненное положение по отношению к второму (украинскому государственному языку), но венгерский является языком автохтонного населения этого региона.

² Качество современного украинского разговорного языка само является проблематичным: в городах (и селах) Украины после распада Советского Союза продолжает проживать русское население, и до сих пор характерно параллельное сосуществование русского и украинского языков. В результате длительного смешивания двух языков с XIX в. в речи необразованного населения сложился

детей в языковом и этническом отношении были смешанные. Этот период считается началом процесса освоения второго (украинского) языка все еще спонтанным, имитативным способом, что должно в принципе позже привести к билингвизму [Мушкетик 2010] Но в их случае это можно назвать только как «квази-билингвизм» ведь уже в самом начале не были созданы нужные условия для возникновения действительного, координированного билингвизма³ из-за отсутствия специального языкового образования воспитательниц и поэтому сфера употребления двух языков и уровень их знания у венгерских детей не могли стать одинаковыми к концу дошкольного периода.

После детского сада эти дети учились в школах, где в первых четырех классах преподавание продолжалось на двух языках, украинском и венгерском. Но относительно их и в этот период школьного образования не было уделено внимание созданию и сознательной фиксации правильных языковых кодов украинского языка, то есть контролированному овладению языком, ведь к венгерским детям (представителям языкового меньшинства) учителя применяли те же методы обучения украинскому языку, как и к носителям этого же языка как родного⁴, то есть уже обладавшим этими кодами.

С пятого класса в учебной программе у них появился предмет «русская литература», в рамках которого они читали произведения русской литературы по-русски, без предварительной подготовки по

своеобразный вариант, некультурный субкод смешанного украинско-русского языка, называемый как «суржик», который на разговорном уровне употребляется широкими массами, более подробно см. [HENTSCHEL. – ZAPRUDSKI 2008], (рецензию на книгу см. [АДЯГАШИ 2009]), [ТРУБ 2000; ZOLTÁN 2010]. В закарпатской области к числу разговорных языков прибавляется еще и русинский (см. [UDVARI 1994] и [MOSER 2006]), который в украинском языкознании определяется как диалект украинского языка, а в зарубежной славистике признается отдельным языком.

³ Билингвизм в современной лингвистике трактуется в широких рамках, в зависимости от того, что является определяющим: социальный аспект или уровень знания языков, речепотребление индивида или института (обзор топологий см. [CSERNICSKÓ 1998: 196–197]; см. также [ЖЛУКТЕНКО 1974]. В нашем исследовании определяющей точкой зрения является лингвистический аспект, и при употреблении понятия координированного билингвизма учитывается сбалансированное знание двух языков, где коды этих языков в преобладающем большинстве явно отмежевываются друг от друга.

⁴ И. Черничко в своей монографии о положении венгерского языка в Закарпатской области (см. [CSERNICSKÓ 1998: 103–116]) дает подробную характеристику системы школьного образования закарпатского венгерского меньшинства. Об этом же см. [БОНДАРЕНКО 1995; ПОВХАН 1998]

русскому (литературному) языку⁵. Ознакомление с русским языком параллельно с употреблением украинского продолжалось 3-4 года, а после этого эти школьники переехали в Венгрию и продолжали учиться в венгерской среде в 3-4-ом классе венгерских средних школ. В этих же школах они изучали русский язык как иностранный, и впервые имели возможность осознанно освоить грамматическую систему и правила употребления кодов на разных уровнях русского языка. Русский язык сменил свой статус: из второго языка перешел в иностранный. В то же время возникла новая ситуация: в повседневной языковой практике у этих школьников украинский язык неосознанно вступил в контакт с русским. Между вторым языком и иностранным (но двумя близкородственными языками) осуществилась интерференция. Социолингвистическая особенность новой ситуации заключается в том, что хотя у этих молодых людей к совершеннолетию развился миноритетный венгеро-украинский билингвизм, и эти языки отмежевались друг от друга в их сознании, однако языковая интерференция появилась у говорящих между вторыми языками, уровень знания которых у них не одинаковый.

После окончания средней школы изученная группа закарпатцев поступила в университет на специальность русский язык и литература. Уровень знания русского языка стал у них лучше, но влияние украинского языка на русский сохранилось.

3. Способы лингвистического описания явлений интерференции.

Явления языковой интерференции в контактной лингвистике исследуются разными методами и описываются терминами, обозначающими разные механизмы ментальных процессов языкового трансфера. Смена кода или переключение кода⁶ обозначает такую речевую деятельность, когда билингвальный говорящий свободно переключается с одного языкового кода на другой, без особых нарушений правил второго языка. Таким механизмом характеризуется только «чистый билингвизм» [ВЕРЕЩАГИН 1969: 28]. М. Миклуш [Миклуш 2002] обращает внимание на то, что при отсутствии одинакового знания двух языков более справедливо назвать механизм трансфера одного языка на другой как кодовой переход⁷. Такое обозначение явления позволяет понимать и частный и оптимальный случай перехода с одного кода на другой. Ауер [AUER 1999] объясняет наличие разновидностей

⁵ С социолингвистической точки зрения русский в этом плане тоже считается вторым языком у венгров Закарпатской области, см. [CSERNICSKÓ 1998:196; ЧЕРНИЧКО С. 2005].

⁶ В английской терминологии «Code switching».

⁷ В английской терминологии «Code shifting».

двуязычного общения как единый процесс его динамичного изменения и различает три фазы этого процесса: в первой фазе осуществляется переключение кода между двумя языками, но во второй фазе регулярное отделение структурных единиц на двух языках по прагматическим причинам уже постепенно исчезает, и таким образом сохранение образцов на другом языке приведет к смешению языков⁸. И наконец, в третьей фазе возникает «слитый язык⁹». Он считает возможным существование подтипов на каждом уровне: частичное и альтернативное осуществление этих фаз.

Другой подход к явлениям интерференции наблюдается у Йохансона [JOHANSON 2002]¹⁰. Йохансон рассматривает язык билингвальных говорящих с некоординированным билингвизмом как своеобразный результат отношения (структурного влияния) первого, доминантного языка (дающий прототипы языкового кода) и второго, недоминантного, воспринимающего, то есть копирующего частично или полностью этот код. Влияние одного языка на другой так и называется у него: кодокопирование¹¹.

4. Языковой анализ некоторых интерферентных явлений по фрагментам письменных работ закарпатских студентов на русском языке.

В дальнейшем будут представлены и проанализированы небольшие отрывки из письменных работ закарпатских студентов, содержащие, на первый взгляд, простые ошибки. Но эти ошибки, с одной стороны, являются типичными в этом кругу студентов, а с другой, они отличаются от ошибок, допущенных студентами с другой языковой социализацией в том отношении, что они объясняются не просто ошибочным овладением кода русского языка¹², а наличием и влиянием другого, украинского.

(1) Переведите следующие предложения!

Szeretik és jól ismerik a klasszikus irodalmat....

⁸ В английской терминологии «language mixing».

⁹ В английской терминологии «fused lect».

¹⁰ Первый вариант о явлении кодокопирования Йохансон опубликовал в 1992 г., а кодокопирование как модель описания языковых контактов было разработано им 10 годами позже.

¹¹ Сопоставление вовлеченных в исследование контактных явлений и их терминологические соответствия в американской и немецкой лингвистике см. у [BOESCHOTEN 1996].

¹² Ошибочное овладение кодом иностранного языка, как отмечает и Миклуш (ук. соч. С. 57), проблема на уровне методики.

Перевод:

Они любят и хорошо знают классическую литературу.

(Е. Ф., студентка 3-го курса)

В определительном словосочетании *классическую литературу* определение выражается относительным (отыменным) прилагательным *классическую*, образованным при помощи словообразовательного суффикса *-ск-*. Суффикс является очень продуктивным в славянских языках, он восходит к праславянскому архетипу **-ьskъ* (см. [ВАРБОТ 1969: 159]. В восточнославянских диалектах праславянского языка видимо вторично появились фонетические варианты суффикса (**-ьskъ ~ *-ьskъ*). После падения редуцированных великорусское наречие сохранило твердый вариант согласного *s*, (и таким образом в русском языке употребляется суффикс *-ск-*), а малорусское (позже украинское) продолжало употреблять сочетание *-ськ-* с мягкой разновидностью *s*. В языковом сознании закарпатских студентов из двух языковых кодов конкретного словообразования прототипичным был принят доминантный для них украинский код. И хотя конкретное производное слово (*классическую*) в украинском языке не употребляется, этот способ словообразования встречается в ряде других отыменных прилагательных, напр. укр. *місто* > *міський* (УРСл т. I, с. 353), *Україна* > *український* (УРСл т. VI, с. 181), *брат* > *братський* (УРСл т. I, с. 88) и др. Осуществилось частичное кодирование фонетического свойства словообразовательной морфемы, отразившееся впоследствии как орфографическая ошибка.

(2) Отрывок из сочинения

В наше время очень много людей занимаются бизнесом, *симейным* бизнесом.

(Е. К. Студентка 3-го курса)

В определительном словосочетании *симейным бизнесом* в роли определения выступает относительное, производное прилагательное *симейный* в форме творительного падежа ед.ч. Ошибкой является здесь написание *-и-* в первом слоге вместо *-е-* (то есть *семейным*). На первый взгляд, такую ошибку можно было бы объяснить как письменную фиксацию литературного произношения русской словоформы *семейным*, ведь в русском литературном произношении данное слово на самом деле звучит как [s¹m'ejnɨm]. Но такое объяснение не может быть верным, потому что в Венгрии в условиях университетского преподавания

русского языка вопреки стремлению преподавателей не обнаруживается постоянное позитивное влияние русского литературного произношения. Русское прилагательное образовано от имени существительного *семья*, которое является современным русским соответствием восточно-славянской формы **sěťja*. А в фонетической реализации гласного *ě* в большинстве древнерусских диалектов, позже ставших основами украинского языка с XV века во всех фонетических положениях осуществилось фонетическое изменение *ě > i* (см. подробнее об этом [Филин 1972: 175–178; SNEVELOV 1979]). Литературная норма современного украинского языка тоже требует произношения гласного *i* на месте старого *ě*. Таким образом для закарпатских студентов были известны два кода фонетической реализации производящей основы – *семья* (русск.): *sim'ja* (укр.), а также и производного слова *семейный* (русск.): *simějnij* (УРСл т. V с. 316). Определяющим прототипом являлся для них украинский, произошло копирование фонетического кода доминантного языка.

(3) Задание:

Укажите нестандартные изменения корня следующих слов! (сыновья)

Решение:

Росширение основы

(Е. К., студентка 4-го курса)

Определение решаемого морфологического явления термином «*росширение*» не соответствует ни нормам русского, ни украинского языка. В этом случае ожидаемое решение было бы по-русски *расширение*. Существительное *расширение* является префиксально-суффиксальным, отглагольным образованием, в котором участвует префикс *раз*, восходящей исторически к праславянскому архетипу **orzь* (см. подробнее [Черных 1991]). Архетип содержит известную праславянскую структуру **orC* (гласный *o* в абсолютном начале слова в сочетании с плавным перед твердым согласным), фонетическая реализация которой по разному осуществлялась в разных диалектах праславянского языка в зависимости от интонации начального гласного. Если слог оказался под нисходящей интонацией, то в южных диалектах праславянского языка из структуры **orC* образовалось [raC] а в восточных диалектах [roC], см. подробнее [Иванов 1964: 157–158]. Соответственно, из префикса **orzь* возникла *rozь* в восточно-славянских диалектах, как это отражается в ряде древнерусских префиксальных образованиях, ср. [Срезневский 1893: 3/147–171], но под влиянием книжного, письменного языка в

древнерусском широко распространялась и южнославянская структура *razъ* (Об этимологии приставки см. подробнее [ЧЕРНЫХ 1991/2: 95]). После падения редуцированных в приставочных образованиях, когда глагол имел начальный глухой согласный, на стыке приставки и основы произошла ассимиляция по глухости, которая последовательно обозначается в современной русской орфографии (**разширение* > *расширение*). В украинском языке наблюдается регулярное сохранение восточнославянского разговорного варианта приставки *roz* без отмеченной на уровне орфографии ассимиляции по глухости. Изученное слово имеет форму в украинском литературном языке как *розиширення* (УРСл т. V с. 215). Для закарпатских студентов известны два кода приставочного словообразования при помощи приставки, исторически восходящей к прасл. **orzъ* (русс. *раз* ~ *рас* укр. *роз*). (Правда, из-за явления аканья в безударном положении эти два кода представляют собой только орфографические варианты, древние интонационные различия отражаются только в подударном положении.) В конкретном случае у закарпатских студентов по орфографии гласного приставки определяющим являлся украинский код, а в фиксации согласного – русский.

(4) Вопрос:

На какие группы делятся качественные прилагательные?

Ответ:

Они делятся на конкретные и абстрактные, *наприклад* новый (конкр.), умный (абстр.)

(Е. Ф., студентка 3-го курса)

В цитированном предложении лексема *наприклад* употребляется на месте русского выражения *например*. Само украинское слово тоже имеет такое значение (ср. укр. *наприклад* 'например' УРСл. т. II. с. 657), и даже с точки зрения словообразования два производных слова полностью соответствуют друг другу: русск. *например* : укр. *наприклад*. (Производящая основа в украинском *приклад* имеет значение 'пример' УРСл. т. IV.) В конкретном случае произошло копирование украинского лексического кода, что можно охарактеризовать и как кодовой переход.

(5) Вопрос:

К каким лексико-грамматическим группам относятся существительные «Академия наук Венгрии»; «Оперный театр»?

Ответ:

Назвы учреждений.

(М. К., студентка 3-го курса)

Ответ студента состоит из притяжательной синтагмы, первый член которой грамматически выражен существительным (предположительно женского рода) именительного падежа, множественного числа, образованным от глагола *назвать*, но не по словообразовательному коду русского языка. В русском языке слово *назва* не существует, только *название*, такое слово имеется в украинском языке (*назва* 'название' УРСл т. II с. 598). В этом случае тоже осуществилось копирование украинского лексического кода, но грамматическое оформление копированной словоформы на орфографическом уровне смешалось с русским.

ЛИТЕРАТУРА

- АДЯГАШИ К. – ИВАШКЕВИЧ Т. 2007: Обзор современной языковой ситуации на Украине // *Slavica* 36 : 227–239.
- АДЯГАШИ К. 2009: Рецензия на книгу Hentschel G. – Zaprudski S. (eds.) 2008: *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržik. Structural and social aspects of their description and categorization. Studia Slavica Oldenburgensia* 17. BIS Verlag, Oldenburg. In: *Slavica* 38 : 279–281.
- БОНДАРЕНКО Н.В. 1995: Концепція шкільної мовної освіти національних спільнот в Україні // *Педагогіка і психологія* 3: 12–18.
- ВАРБОТ, Ж. Ж. 1969: Древнерусское именное словообразование. Наука, Москва.
- ВЕРЕЩАГИН, Е. М. 1969: Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). МГУ, Москва.
- ЖЛУКТЕНКО Ю.А. 1974: Лингвистические аспекты двуязычия. Вища школа, Київ.
- ИВАНОВ, В.В. 1964: Историческая грамматика русского языка. Просвещение, Москва.
- МИКЛУШ М. 2002: К некоторым вопросам так называемого переключения кодов при би- и полилингвизме и двух- и поликодности. // *Русский язык в центре Европы* 5: 52-57. Ассоциация русистов Словакии, Банска Бистрица
- МУШКЕТИК Л. Г. 2010: Українсько-угорське пограниччя: мова та культура, питання ідентифікації, міжетнічні зв'язки // *Народна творчість та етнографія* 3: 21–36.
- ПИЛИПЕНКО Г. П. 2010: Особенности усвоения сербского языка воеводинскими венграми. *Славяноведение* 2010, № 5, С. 73–81

- ПОВХАН К. 1998: Актуальні проблеми навчання державної мови в школах з національними мовами викладання // Українська мова й література в школі 1: 87–90.
- СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. 1893: Материалы для словаря древнерусского языка т. I–III. Москва.
- УРСЛ: Украинско-русский словарь. (Главн. ред. И. Н. Кириченко) т. I–VI. Издательство Акад. Наук Украинской ССР, Киев, 1953–1963.
- ТРУБ В. М. 2000: Явище "суржику" як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство 1: 46 – 58.
- ФИЛИН, Ф. П. 1972: Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Наука. Ленинградское отделение. Ленинград.
- ЧЕРНИЧКО С. 2005: Соціолінгвістичний аспект вивчення українсько-угорських міжмовних контактів і освіта. В кн.: Мова й освіта на початку XXI століття: Збірник статей Міжнародної науково-практичної конференції. ПоліПрінт, Ужгород: 153–165.
- ЧЕРНЫХ, П. Я. 1991: Историко-этимологический словарь современного русского языка. В двух томах. 3-е изд., стереотипное. Русский язык, Москва.
- AUER, P. 1999: From Code Switching via Language Mixing to Fused Lects. Toward a dynamic typology of bilingual speech. *The International Journal of Bilingualism* Vol. 3, No. 4: 309–332.
- BOESCHOTEN H., 1996: Zur Charakterisierung des Kodiekopierens. // *Symbolae Turcologicae. Swedish Research Institute in Istanbul, Transactions* Vol. 6: 31–40.
- CSERNICKÓ I. 1998: A magyar nyelv Ukrajnában (Kárpátalján). Osiris Kiadó és MTA Kisebbségkutató Műhely, Budapest.
- HENTSCHEL G. – Zaprudski S. (eds.) 2008: Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržik. Structural and social aspects of their description and categorization. *Studia Slavica Oldenburgensia* 17. BIS Verlag, Oldenburg.
- KONTRA, M. (ed.) 1991: Tanulmányok a határainkon túli kétnyelvűségéről. *Magyarságkutató Intézet, Budapest.*
- JOHANSON L. 2002: Contact Induced Change in a Code-Copying Framework // *Language Change. The Interplay of Internal, External and Extra-Linguistic Factors*. Ed. by Mari C. Jones, Edith Esch. *Contributions to the Sociology of Language*. Ed. Joshua A. Fishman. Mouton de Gruyter, Berlin, New York, pp. 285–313.
- MOSER M. 2006: Die karpatoruthenische sprachliche und kulturelle Identität aus einer galizischen Perspektive (1772–1850). In: *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по*

- языковым контактам при Международном Комитете славистов (ред. А. Д. Диличенко), Тарту, 15-17 сентября 2005, 236–264.
- ROT S. 1967: Magyar-ukrán és ukrán-magyar kétnyelvűség Kárpát-Ukrajnában. In: Magyar Nyelvőr 91: 185–191.
- SHEVELOV, G. Y. 1979. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg.
- UDVARI I. 1994: Ruszinok. In: Ács Zoltán (szerk.) Együtt élő népek a Kárpát-medencében. Budapest, Auktor Könyvkiadó, 177–199.
- ZOLTÁN A. 2010: Ukrajna nyelvi helyzete. Kisebbségkutatás 19/4: 594–601.

